

"Где-то над радугой, высоко-высоко,

В стране, о которой я слышал однажды в колыбельной.

Там, где радуга, небо голубое,

И мечты, о которых ты смеешь мечтать, действительно сбываются.

Когда-нибудь я загадаю желание на звезду,

И проснусь там, где облака далеко позади.

Где проблемы тают, как лимонные капли

Вдали над верхушками дымоходов

Там ты найдешь меня.

Где-то над радугой летают синие птицы.

Птицы летают над радугой; почему же тогда, о, почему я не могу?

Если счастливые маленькие синие птицы летают над радугой.

Почему, о, почему я не могу?"

Северус вынужден был признать, что она была очень хороша, кто бы ни пел. Другой голос начал петь другую песню; как ни странно, чистокровные, не знавшие ни одного текста, были растроганы до слез.

"Мы встретимся снова, не знаю где, не знаю когда.

Но я знаю, что мы встретимся снова каким-нибудь солнечным днем.

Продолжай улыбаться, как раньше.

Пока голубое небо не прогонит темные тучи прочь.

Теперь, пожалуйста, скажите "Привет" людям, которых я знаю.

Скажите им, что это ненадолго.

Потому что они будут счастливы узнать, что когда вы провожали меня.

Я пел эту песню

Мы встретимся снова, не знаю где, не знаю когда.

Но я уверен, что мы встретимся снова в один солнечный день.

Мы встретимся снова, не знаю где, не знаю когда.

Но я знаю, что мы встретимся снова в солнечный день.

Продолжай улыбаться, как раньше.

Пока голубое небо не прогонит темные тучи прочь.

Продолжайте улыбаться, как раньше.

Пока синие небеса не прогонят темные тучи".

Их палочки покачивались из стороны в сторону, и это были, пожалуй, самые искренние похороны, на которых кто-либо присутствовал. К тому времени, как все перестали петь, Северус, Минерва, Сириус и Ремус продели шнур через ручки гроба и, убрав цветы, осторожно начали опускать тело Гарри в его последнее пристанище. Слезы катились по их лицам; даже у Северуса на глазах выступили слезы - и все это в общественном месте, что означало, что он не мог контролировать себя, как ему хотелось бы.

"Дамы и господа, мы собрались здесь сегодня, чтобы предать Гарри Поттера его последнему пристанищу. Мы предаем его тело земле, землю - земле, прах - праху, пыль - пыли. Мы можем только молиться, чтобы ему было оказано милосердие, которого он не получил в этой жизни", - сказал Корнелиус Фадж, когда шнуры опускали гроб до тех пор, пока он не смог опуститься дальше.

"Есть ли у кого-нибудь желание сказать что-нибудь?" спросил Корнелиус, но никто не вышел вперед.

"Никто?" спросил Корнелиус, широко раскрыв глаза.

"Гарри был прекрасным ребенком, очень спокойным и сильным. Ему было всего несколько

дней от роду, когда он совершил свое первое случайное волшебство. Он вызвал свою бутылочку из холодильника; Лили так гордилась им", - тихо сказала Минерва; на ее лице появилась грустная улыбка, она вспомнила лицо Лили, когда та с гордостью рассказывала ей о достижениях Гарри с гордостью, которую только мать может испытывать к своему ребенку.

"Первым словом Гарри было "мама"; он очень любил ее. Он определенно был маменькиным сынком. Вторым его словом было "Муни"; Лили пыталась заставить Гарри называть нас настоящими именами, но он не поддавался. У него были некоторые способности метаморфага; он мог менять длину своих волос", - предложил Сириус, падая на колени.

Никто больше не высказался, поэтому один за другим они начали опускать цветы в могилу. У каждого из них была своя цель, когда их опускали, а за ними - смысл. Северус наблюдал за всеми и, к своему облегчению, заметил, что никто не опустил в могилу петунии.

Розовая гвоздика, означавшая "Я никогда тебя не забуду", была одной из самых популярных на похоронах, по крайней мере, магических. За ними следовали многие другие: Кошачий хвост для мира и процветания в следующей жизни. Хризантема - для бодрости и покоя. Цикламен для отставки и прощания. Маргаритки для невинности и чистоты в следующей жизни. Чеснок для мужества и силы. Пурпурный вереск - восхищение, а белый вереск - защита, которой у него не было в жизни. Пурпурный гиацинт означал печаль; белый гиацинт означал красоту. Ирис означал дружбу, веру, надежду и мудрость, а также доблесть. Лилия - красота, тигровая лилия - богатство и гордость. Магнолия - благородство. Апельсиновый цвет, орхидеи, пальмовые листья, маки, розы, душистый горошек, фиалки и циннии.

"Нет слов... что я могу сказать?"

Наконец-то его милая душа улетела

К миру и свободе в небесах.

Где он больше никогда не будет страдать или плакать.

Это все часть великого плана Мерлина...

который остается загадкой для человека.

Мы не можем понять Его пути

И не можем сосчитать наши земные дни.

Но кто мы такие, чтобы задавать вопросы и сомневаться?

Мерлин хорошо знает, что Он задумал;

Он знал, что ему хочется "уснуть".

Где только ангелы бдят.

Боль от жизни стала слишком велика.

Он больше не мог оставаться и ждать;

Он не хотел покидать тебя, дорогая,

Но он закончил свою работу здесь.

Поэтому он закрыл глаза, а когда проснулся,

вот слова, которые произнес Мастер...

"Добро пожаловать, дорогое дитя, наконец-то ты Дома,

И теперь бремя жизни позади.

Для тебя есть работа в Моем Царстве,

И ты нужен и желанен здесь".

Так что не плачьте, он просто пошел вперед,

Не думайте, что он умер.

Он ненадолго пропал из виду,

И вы будете скучать по его прикосновениям и улыбке,

Но вы знаете, что он в безопасности в доме наверху.

Где есть только мир и любовь.

И, конечно, вы не откажете ему в покое...

И вы рады, что он обрел освобождение.

Думайте о нем там, как о душе, которая свободна,

и наконец-то дома, там, где он хотел быть".

Северус запнулся; это был тот же стих, который он произнес на похоронах матери. Надо сказать, очень подходящий для них обоих; они оба слишком долго страдали в жизни. После того, как Северус закончил, они начали опускать свои палочки, впервые с момента их приезда. Несколько взмахов палочек Северуса, Ремуса, Сириуса и Минервы, и могила была засыпана. Ровно через два дня они должны были установить надгробие.

"Как вы оба?" спросил Филиус, подойдя к ним с печальным видом. Он знал, как им обоим было тяжело.

"Устали", - печально пробормотала Минерва.

"Может быть, нам стоит пойти в Хогвартс? Выпьем чего-нибудь?" предложил Филиус; все, что угодно, лишь бы снять напряжение. Он все равно собирался, это уж точно.

"Я бы не отказалась", - согласилась Минерва, кивнув головой. Повернувшись к могиле, она положила своего плюшевого мишку среди множества цветов. Северус, в свою очередь, тоже положил свой венок на кучу. "Прощай, Гарри", - прошептал он.

"Я бы тоже не отказался", - сказал Сириус, приглашая к себе.

"Сириус, нам нужно поговорить", - сказал Ремус своему старому другу, его янтарные глаза были полны надежды и ужаса.

"Я еду в Хогвартс, ты можешь приехать, если хочешь", - сказал Сириус; ему нужно было выпить.

"До тех пор, пока ты ничего не начнешь; как только ты начнешь, я лично прослежу, чтобы тебя исключили из Хогвартса", - заявила Минерва; она не хотела, чтобы Северус пережил то, что он пережил в школе. Только не сегодня.

Идя от могилы, каждый из них по очереди оглядывался на могилу, шепча прощальные слова.

Если бы они отошли на несколько шагов в сторону, то наткнулись бы на небольшую группу

фигур на холме, скрытых чернотой. Поскольку они тоже наблюдали за происходящим, то исчезли только после того, как все ушли.

<http://tl.rulate.ru/book/90599/2911881>